

Глава 18. Натиск и Отречение

Первая волна штурма близилась к концу. Уровень повреждений Крепости Бога Войны достиг тринадцати с половиной процентов — цифра, не укладывающаяся в голову. Прежде неприступная цитадель походила на тяжелобольного, едва вставшего на ноги и ещё не готового к беспощадному пеклу настоящей войны. Столь сокрушительный урон в самом дебюте сражения стал худшим показателем за всю славную историю крепости.

И хотя артиллерия вела круговой огонь, выкашивая ряды нападающих, стремительное отступление противника на пике его успеха вызывало у лейтенанта Хань Шао глухую тревогу.

Впрочем, расслаживаться не приходилось. Следовало немедленно оценить масштаб разрушений, подсчитать потери среди личного состава, пополнить боезапас, составить смету снабжения, залатать повреждённые оружейные башни с экранами светового отражения и, главное, усилить охрану на всех контрольно-пропускных пунктах.

Заняв командирское кресло перед главным экраном, Хань Шао задумчиво вертел в пальцах шариковую ручку. Обычно мягкий и покладистый, сейчас он казался на удивление суровым. Его взгляд застыл на интерактивной карте местности, выведенной на пульт управления. Радар без усталости сканировал периметр, рассылая концентрические круги радиоволн, от монотонного бега которых рябило в глазах.

Неожиданно сержант Лиэнь проявил прямо-таки трогательную заботу, бесшумно поставив перед ним чашку горячего кофе. Жест был дружеским, но Хань Шао, едва взглянув на чёрную жижу, лишь недовольно поморщился.

— Послушай... Чёрный кофе без сахара глушит наш глубокоуважаемый командир. С чего ты взял, что я разделяю его извращённые вкусы?

Молодой и дерзкий Лиэнь за словом в карман не лез — юношеский пыл лишал его всякого страха перед начальством.

— Но вице-капитан, крепкий чёрный кофе лучше всего приводит в чувство. К тому же я помню, что вы не жалуете сладкое, вот и не стал добавлять сахар, — уверенно парировал сержант.

Хань Шао оставалось лишь горько усмехнуться.

— Не любить сладкое ещё не значит добровольно пить горькую бурду. Ладно, проехали...

Поворчав для проформы, он всё же поднёс чашку к губам и сделал маленький глоток.

Поставив кофе обратно, он вновь углубился в изучение электронной карты. Лиэнь, однако, уходить не спешил.

— Что-то ещё? — не отрывая взгляда от экрана, спросил Хань Шао.

— Эм... Вице-капитан, я могу чем-то помочь?

— Можешь. Разумеется. Верни мне нашего капитана!

Случайно выплеснув скопившееся раздражение, Хань Шао понял, что срывается на подчинённом ни за что. Он с досадой взъерошил волосы.

— Чёрт, ушёл бог знает когда, и ни слуху ни духу... Ладно. Скажи-ка мне, — он вскинул подбородок, глядя на самого молодого бойца в отряде, — если наш командир не вернётся... что ты будешь делать?

Лиэнь смутился, он обеспокоенно нахмурился. Некоторое время он искренне размышлял над вопросом, подбирая наиболее правильный ответ, после чего вытянулся по струнке:

— Так точно, товарищ вице-капитан! В таком случае я...

— Брось этот уставной тон, — перебил его Хань Шао. — Говори как думаешь. Я просто спросил, без всякого подтекста.

— Слушаюсь! План первый: подтвердить статус командира и, если он жив, организовать спасательную операцию. План второй: удерживать оборону согласно текущей директиве и параллельно пытаться восстановить с ним связь.

Ответ парня так и сквозил выхолощенным уставным канцеляризмом.

— А если... он мёртв? — Хань Шао изо всех сил пытался подавить подступающую панику, а потому снова схватился за чашку с чёрным кофе, силой вливая в себя горький напиток.

Сержант замялся, долго подбирая слова.

— Если капитан погиб, командование переходит к вам. Мой долг — беспрекословно подчиняться вашим приказам.

— Что ж, ты отличный солдат, — негромко произнёс Хань Шао.

«Но едва ли станешь хорошим командиром».

Уставившись на дисплей пульта управления, Хань Шао пробормотал, словно в бреду:

— После воздушного налёта... они наверняка забросят наземные группы для проникновения.

— Хотите сказать, враг пойдёт на штурм? — уточнил Лиэнь.

— Пусть наша позиция и кажется неприступной, но если у них хватит пушечного мяса, они попрут напролом, — мрачно спрогнозировал вице-капитан. — И в ближнем бою нам придётся несладко.

Их тактический отход в момент очевидного преимущества явно преследовал одну цель — перегруппироваться для следующего, сокрушительного удара. Сейчас Крепость Бога Войны напоминала загнанного в клетку зверя, на которого из темноты скалился невидимый враг. Они были как на ладони, в то время как противник оставался в тени. К тому же крепость до сих пор не функционировала в полную силу: центральный терминал по непонятной причине выдавал лишь шестьдесят пять процентов мощности, а часть внутренних секторов оказалась заблокирована. Шансы на выживание таяли на глазах.

И как назло, рядом не было их главного аналитика — лейтенанта Хэ Сию.

Хань Шао прекрасно понимал: ему никогда не заменить этого человека. Пускай их капитан ленив, небрежен и вечно бьёт баклуши, в критическую минуту его острый ум стоил целого батальона.

«Чёрт возьми, командир, где тебя носит?!»

— Хватит! — Хань Шао со стуком швырнул ручку на пульт, резко поднялся и вперил взор в трёхмерную проекцию окрестностей цитадели. — Цзин Хэн, Вэй Бинь! Берите людей и выдвигайтесь к западному шлюзу. Заблокируйте вот этот сектор, — он указал длинной металлической указкой на уязвимую точку на карте. — Ни одна тварь не должна прорваться!

— Есть!

Нахмурившись, вице-капитан следил за экраном. Вокруг крепости царила зловещая тишина, ни малейшего намёка на движение.

Хань Шао сжал кулаки так, что побелели костяшки.

«Только попробуй сдохнуть там, командир!»

— Апчихи!

Неожиданно чихнув, Хэ Сию потёр ладонью нос и недовольно проворчал под нос:

— Точно кто-то за спиной кости перемывает...

— Лейтенант Хэ, — раздался с заднего сиденья негромкий, но чистый юношеский голос. Хэ Сию обернулся:

— Что стряслось? — в тоне черноволосого паренька явно сквозила с трудом сдерживаемая паника.

— Сколько нам ещё ехать?

— Так... — Хэ Сию при тусклом свете приборной панели глянул на часы, а затем вгляделся в непроглядную тьму за лобовым стеклом. — Не меньше часа. Что, совсем плох?

В салоне повисло тяжёлое, удушливое молчание. Лишь спустя минуту Шангуань Цицзе глухо отозвался:

— Он без сознания. Кровь не останавливается. Если мы задержимся...

Лейтенант Хэ внезапно усмехнулся:

— Послушай, парень. Чисто личный вопрос.

— Что?

— Ты на самом деле хочешь его спасти или мечтаешь, чтобы он поскорее сдох?

Снова тишина. Лишь заунывный, назойливый рёв мотора заполнял пространство, действуя на нервы. Хэ Сию терпеливо ждал ответа.

Наконец Цицзе заговорил.

— Не знаю... Но защищать его — мой приказ, — хрипло, едва слышно прошептал юноша. Его голос тонул в шуме двигателя, в нём звенела непоколебимая решимость, смешанная с глубоким сомнением.

«Зачем так истязать себя?» — подумал лейтенант.

— Ну, тогда мы в одной лодке. Это и моя задача тоже, — хмыкнул Хэ Сию.

Он приоткрыл перчаточный ящик, достал последний рулон бинта и швырнул его назад.

— Держи, больше ничего нет. Если зайдёт за этот час — значит, туда ему и дорога. Судьба такая.

Внезапно внедорожник подбросило: во тьме лейтенант не заметил крупную выбоину. Машину жёстко качнуло, сзади послышался глухой удар и сдавленный вскрик. Вцепившись в рулевое колесо, Хэ Сию выровнял ход и только тогда спросил:

— Эй! Вы там целы?

— Тор... тормози...

— Что?

— Тормози, лейтенант!

Цицзе кричал лихорадочно, задыхаясь. Испугавшись, что раненый окончательно истёк кровью или они набили себе шишек, лейтенант резко ударил по тормозам. Машина замерла, взвизгнув шинами. Хэ Сию выскочил наружу и рванул на себя заднюю дверь, но представшая картина заставила его едва ли не рассмеяться.

Ситу Кун всё так же неподвижно лежал на сиденье, а вот Шангуань Цицзе умудрился сползти в проход между рядами. Юноша застрял там кверху ногами, уткнувшись головой в тёмный коврик под сиденьями. Одна его рука беспомощно свисала с края кресла, слабо подёргиваясь.

Поза выглядела крайне двусмысленно.

Затем лейтенант уловил тяжёлое, хриплое дыхание паренька. Оно то прерывалось, то переходило в судорожные всхлипы... больше похожие на безмолвный плач.

— Парень, ты как?..

— Кха... чёрт... ненавижу! Да кто он вообще такой!.. — выплюнул Цицзе сквозь зубы.

«Сам себя обманывает. До чего же противоречивая штука — человеческая душа».

Кое-как, чертыхаясь, Хэ Сию вытащил паренька наружу. Физический труд никогда не был его сильной стороной, в чём он сейчас убедился на собственной шкуре. Отыскав остатки бинта, он принялся обрабатывать ссадину на лбу юноши. Царапина оказалась пустяковой, даже шрама не останется, но кровь упрямо сочилась. Всё-таки человеческая плоть поразительно хрупка.

Пока лейтенант возился с повязкой, Цицзе сидел насупившись и яростно скрежетал зубами.

Он явно сгорал от стыда и злости, не зная, куда деть этот гнев. Не умея скрывать обиду, он лишь упрямо надувал губы.

— И что нам теперь делать с этим ублюдком?! — в отчаянии воскликнул Цицзе, глядя на лежащего без сознания Ситу Куна.

Лейтенант мысленно хмыкнул. «Ублюдок, значит? Похоже, их связывает долгая и очень весёлая история».

— Оставим его здесь. Пусть подышает, мы сделали всё, что могли, — Хэ Сию равнодушно развёл руками, будто речь шла об испорченной запчасти.

Конечно, Цицзе такой исход устроить не мог.

— Нельзя! — выпалил парень и тут же судорожно вдохнул, пытаясь взять себя в руки. — Если он подохнет, у нас будут огромные проблемы.

— Безусловно, — согласился лейтенант с убийственным хладнокровием. — Но если мы притащим в крепость труп, проблем будет ещё больше.

— Чёрт!..

Ситу Кун лежал в полумраке салона, его черты расплывались в темноте, но Цицзе не сводил с него глаз. В этом пристальном, упрямом зоре сквозило то, чего, пожалуй, не встретишь даже у самых безумных влюблённых.

— Не бери в голову, парень, — заметив его колебания, лейтенант полез внутрь, намереваясь вытащить раненого на землю. Однако не успел он коснуться тела, как Цицзе мёртвой хваткой вцепился ему в запястье. Пальцы мальчишки сжались с такой силой, словно хотели раздробить кости.

Удивлённый Хэ Сию обернулся. Юноша смотрел лихорадочно, и в его взгляде клубилась первобытная, дикая ярость.

— Ты что творишь? — нахмурился лейтенант.

— Оставь его. Я не позволю выбросить его на дорогу.

— Он всё равно не жилец.

— Уже почти, — сухо перебил Хэ Сию, скользнув взглядом по бледному лицу Ситу Куна. — Он

уже одной ногой в могиле.

— Нет... — рука Цицзе заметно дрогнула.

Лейтенант с любопытством прищурился:

— Ты ведь обученный боец. Должен без труда определять, когда человек находится при смерти.

Юноша попытался что-то возразить, но из горла вырвался лишь глухой, задушенный хрип. Он так и не смог выдать ни слова.

Хэ Сию тяжело вздохнул:

— Если раненый безнадёжен, долг солдата — бросить его, чтобы он не утянул за собой остальных. У нас боевая задача, чёрт возьми. Мы профессионалы, Цицзе, не мне тебя этому учить.

— Заткнись! — в ярости выкрикнул парень.

— Тогда какого дьявола ты колеблешься? Младший лейтенант, прекращай эти детские сопли. Ты кадровый военный, а на войне за глупую сентиментальность платят жизнями!

— Сука! — Цицзе, сидевший на земле, резко вскинул голову. Он посмотрел с дикой смесью ненависти и отчаяния. — Как я, по-твоему, должен его бросить?! Он из-за меня без руки остался! На всю жизнь калека! Да плевать, если он просто использовал меня... плевать! Я... я... — Голос сорвался на хриплый всхлип, заглушая яростные проклятия. Вся злость мгновенно испарилась, оставив лишь звенящую, серую пустоту в глазах.

Тяжёлые воспоминания, выжженные на подкорке мозга, воскресли с пугающей отчётливостью. Нежные, почти неощутимые прикосновения, горячее, прерывистое дыхание у самого уха, безумное слияние тел, когда во всём мире не остаётся никого ближе... Насилие, замаскированное под ласку, жгучая боль предательства и слёзы, которые невозможно сдержать — всё это не могло просто так исчезнуть из его памяти.

«Неужели я недостаточно нежен с тобой?» — шептал он, обжигая губами мочку уха.

«Ублюдок... пусти... отвали от меня...»

«Какая глупая ложь, — его тихий смех сочился ядом. — Говорят, насильно мил не будешь, особенно когда речь идёт о мужчинах. Но твоё тело, сладкий мой, вовсе не такое упрямое, как твой язык...»

Ещё тогда, во время их первой встречи, Ситу Кун без слов вынес ему приговор. Он смотрел с абсолютной уверенностью хищника, который всегда получает то, что хочет. И в этот раз он тоже не проиграл.

— Если... если он сдохнет здесь у меня на глазах... — пробормотал Цицзе, путаясь в словах и не веря собственному бессилию.

Хэ Сию смерил его ледяным взглядом:

— Что? Замучает совесть?

Юноша вздрогнул и с испугом уставился на бесстрастное лицо лейтенанта.

— Мучаешься чувством вины за его оторванную руку? Считаешь себя должником?

Цицзе промолчал.

— Решил, что раз он тебя защитил, пожертвовал собой и теперь балансирует на грани жизни и смерти, то ты обязан платить ему той же монетой? Готов подставляться под пули и сдыхать ради него, лишь бы закрыть этот мнимый долг?

В ответ снова не донеслось ни звука.

Резкий, пронизывающий взгляд лейтенанта пригвоздил паренька к месту. Безжалостно, словно скальпелем, он препарировал его душу:

— Тогда почему, когда он предложил тебе остаться его личным псом, ты наотрез отказался?

Шангуань Цицзе словно ледяной водой окатили. Холодный воздух со свистом застрял у него в горле.

— М-да, — Хэ Сию ядовито усмехнулся. — Похоже, дело тут вовсе не в муках совести. Ты просто сохнешь по нему, как сопливая девчонка, которой вскружили голову!

Юноша крупно вздрогнул, не смея поднять глаз на собеседника.

Лейтенант продолжал издеваться:

— О неотразимости Ситу Куна ходят легенды, но я и подумать не мог, что его чары безотказно работают даже на парнях!

Цицзе хрипло, судорожно хватал ртом воздух, напоминая выброшенную на берег рыбу. С него заживо содрали защитную броню, обнажив грязную, постыдную правду, которую он так тщательно пытался скрыть от самого себя.

Вскружил голову... Действительно, этот ублюдок заставил его потерять рассудок. Каждую ночь в кошмарах всплывали одни и те же грязные, порочные картины. Сладкий, вкрадчивый шёпот Ситу Куна преследовал его повсюду, как проклятие, от которого нет спасения. Перед этим человеком он был раздет донага — лишён тайн, уязвим, незащищён. Говорят, плотская близость сближает людей, делает их искренними. Какая ложь! В их связи не было ни капли красоты — лишь мерзость и унижение.

Цицзе издал короткий хриплый смешок, переросший в истерический, безумный хохот. Он смеялся навзрыд, надрывая глотку, и этот дикий смех разносился над безмолвной степью, смешиваясь с затаённой обидой и глухой ненавистью.

Его безумный, надрывный хохот долго звенел под чёрным куполом неба, бесцельный и бесконечный, как его собственная тоска.

Хэ Сию опустился на землю рядом с хохочущим юношей и негромко обронил:

— Парень, я слышал краем уха о твоей ситуации. Хотя и не знал до сегодняшнего дня, кто именно приложил к этому руку...

Цицзе мгновенно замолчал, мёртвой хваткой вцепился в воротник лейтенанта и свирепо вытаращился на него:

— Что ты, сука, знаешь?!

Хэ Сию даже бровью не повёл:

— Остынь. В штабе об этом судачит каждый второй офицер. Ситу Кун может заставить молчать жёлтую прессу, но военная разведка суёт нос во все щели.

Цицзе опешил. Пальцы его слегка ослабли.

— Вы... все в курсе?

Лейтенант скосил глаза на натянутую ткань воротника и вздохнул:

— На службе нет понятия «личная жизнь». Местные спецы работают так шустро, что о твоих ночных похождениях весь штаб узнаёт к утреннему разводу. К тому же, — он доверительно наклонился к парню и ухмыльнулся, — ты, как-никак, один из пяти лучших пилотов во всём

Восточном военном ведомстве. Извини, но ты слишком заметная фигура.

— Чёрт бы вас побрал, — Цицзе с силой оттолкнул офицера и отвернулся.

Он посмотрел на глухое чёрное небо, где не горело ни единой звезды. Ощущение было такое, будто его, словно дырявую шлюпку, выбросило в открытый океан без компаса и вёсел. И кричать о помощи бесполезно — никто не услышит.

Хэ Сию ободряюще похлопал его по плечу:

— Да ладно тебе, не вешай нос. Дело житейское, с кем не бывает... С такой смазливой мордашкой немудрено привлечь внимание всяких извращенцев.

Лейтенант с некоторым прищуром оглядел точёный профиль юноши. В полумраке его бледное лицо и яркие губы действительно казались непозволительно привлекательными.

— Мне плевать, — тихо произнёс Цицзе.

— Что?

Хэ Сию показалось, что он ослышался, настолько спокойным был голос парня. Но тот повторил, глядя прямо перед собой:

— Глупо тратить жизнь на ненависть из-за такой ерунды. В конце концов, я сам виноват... Надо было сопротивляться до последнего, драться зубами и ногтями. А я просто сдался. Позволил растоптать себя... дал слабину.

Тогда он очутился на самом дне. Отвергнутый всеми, преданный близкими, раздавленный изменой любимой девушки... Измученный и опустошённый, он отчаянно нуждался хотя бы в одной протянутой руке. И Ситу Кун протянул её.

Цицзе опустил голову, молча глядя на свои сжатые кулаки, а затем снова поднял взгляд. Он посмотрел со странной, пугающей теплотой:

— Знаешь... он ведь совсем не такой, как прочие ублюдки из высшего общества. Много ли ты знаешь богатеев, готовых подобрать на улице безвестного оборванца, отвезти в госпиталь и оплатить лечение до последнего цента?

Он горько улыбнулся с невыразимой тоской.

— Но в этом и весь кошмар. Этот человек сначала согрел меня своим теплом, а потом

безжалостно сломал мне жизнь.

Его бесцветный шёпот растворился в ночной тишине. Обхватив колени руками, Шангуань Цицзе сжался в комок, словно пытаясь защититься от всего мира. Перед его мысленным взором расстилалась лишь беспросветная мгла бесцельного будущего.

— Знаешь, лейтенант Хэ, когда-то я был совсем другим, — произнёс он пустым голосом, не отрывая взгляда от горизонта. — Теперь я не верю ни единой живой душе. — Он медленно повернул голову и с ледяным прищуром посмотрел в салон, где безвольно лежал Ситу Кун. — Шкура этого ублюдка стоит слишком дорого. Я не позволю ему так просто сдохнуть.

Хэ Сию опешил. Он перевёл взгляд с раненого на паренька:

— погоди, ты хочешь сказать...

Внезапно Цицзе пружиной взвился на ноги. Он резко вытянул шею, всматриваясь в ночную высь:

— Авиация?!

До их ушей донёсся низкий, рокочущий гул, медленно катившийся со стороны горизонта. Хэ Сию прищурился, пытаясь разглядеть в темноте мигающие габаритные огни. Он удивленно поднял брови:

— Дирижабль?.. Быть не может. По планам Восточного военного командования здесь не должно быть наших воздушных судов...

— Это не наши! — оборвал его Цицзе.

Из темноты медленно выплывал колоссальный серебристый силуэт. Корпус судна напоминал гигантскую торпеду с четырьмя ажурными крыльями, похожими на стрекозиные. Огромные хвостовые винты с утробным воем разрезали воздух. Это был тяжёлый десантный авианесущий крейсер новой модификации, способный нести на борту до полусотни новейших истребителей.

— Вражеский корабль! Сваливаем!

Лейтенант Хэ махом запрыгнул за руль. Мотор взревел, и внедорожник с пробуксовкой сорвался с места, скрываясь в густом облаке пыли. Цицзе тем временем лихорадочно обшаривал багажное отделение за задними сиденьями и со свистом вытащил армейский ручной гранатомёт.

— Повезло же!

Хэ Сию одобрительно свистнул:

— Ну, хоть какая-то польза от этой развалины!

Цицзе высунулся по пояс из окна:

— Лейтенант, когда эта дура подойдёт поближе, держи курс и не виляй! Мне нужно поймать её в прицел.

Огромный крейсер неумолимо настигал их. Казалось, он плывёт неторопливо, но на деле его скорость была колоссальной.

Хэ Сию мёртвой хваткой вцепился в руль. Свист ветра и бешеный визг покрышек заглушали все звуки.

— Сделаю в лучшем виде! Держись!

— Давай!

Пользуясь тем, что они пока не вошли в сектор обстрела вражеских турелей, Цицзе лихорадочно настраивал оптику гранатомёта, стараясь занять наиболее устойчивую позицию. На заднем сиденье и так было не повернуться, а с тяжёлой трубой в руках стало совсем тесно. Машину нещадно подбрасывало на кочках. Полуживой Ситу Кун мотался из стороны в сторону, мешая прицелиться. Цицзе то и дело больно упирался коленями в его рёбра и едва не проваливался вниз. Разозлившись на эту живую помеху, он попытался бесцеремонно запихнуть бесчувственное тело поглубже в угол.

Раздался оглушительный взрыв! Огненный вихрь взметнулся прямо по курсу, взрывная волна ощутимо толкнула внедорожник в бок, едва не опрокинув его. Кое-как удержавшись на колёсах, машина вылетела из дымовой завесы. От резкого толчка Цицзе не удержался и полетел лицом вниз, чувствительно приложившись носом о каменную грудь Ситу Куна. В глазах на миг потемнело от боли.

Рваное, хриплое дыхание. Дикий, сковывающий ужас, паника и парализующее бессилие во всём теле. Крупные капли пота катились по лбу, затекая в глаза и смешиваясь с горькими, солоноватыми слезами. Холодная, вонючая сталь оружейного ствола грубо раздвинула губы, до боли распирая рот. Металл упёрся в самое горло, вызывая мучительные рвотные позывы.

«Ещё раз дёрнешься — и я разнесу твою башку!»

— Нас ведут! — заорал Хэ Сию, отчаянно крутя руль из стороны в сторону.

Кое-как поднявшись на локтях, Цицзе упёрся ладонью в грудную клетку Ситу Куна и внезапно замер.

При такой сумасшедшей тряске тот лежал абсолютно неподвижно, словно тряпичная кукла. Ни единого вдоха, ни одного стога...

«Только не смей сдыхать! Слышишь? Не смей!»

Парень сжал зубы до хруста, вскинул гранатомёт на плечо и прильнул к окуляру. Даже сквозь зелёную сетку ночного видения было трудно поймать в прицел маневрирующий на высоте корабль, но Цицзе положился на звериное чутьё профессионального пилота. Есть захват!

Он уже собирался нажать на спуск, как вдруг ночное небо прочертила ослепительная огненная дуга. Цицзе инстинктивно втянул голову и рухнул на пол салона.

Грубое, безжалостное насилие разрывало его изнутри. Кровь вместо смазки лишь удваивала невыносимую пытку. Его сознание угасало, но кошмар не прекращался ни на секунду.

«Вот так... Чем сильнее брыкаешься, тем больнее будет. Смирись, привыкай, и скоро тебе даже понравится...»

Дикая, тупая боль от противоестественного растяжения парализовала волю. Всё сопротивление сводилось к немым крикам в собственной голове, пока липкий туман не заволакивал разум окончательно. В конце концов приходило глухое, тупое безразличие — тело просто сдавалось от изнеможения.

Рваные раны кровоточили, увеличиваясь с каждым его толчком, словно душевная травма, которая никогда не заживёт.

А затем в ход шли любые подручные средства. Холодные, обжигающе горячие, огромные, мелкие, твёрдые... и даже стальные стволы армейских винтовок. Чего-чего, а смертоносного железа на этой базе было в избытке.

«Интересно, что будет, если нажать на курок прямо сейчас? Представь, как пуля разнесёт тебя изнутри...»

В голове не осталось ничего, кроме всепоглощающей, сводящей с ума боли и его вкрадчивого голоса.

«Позволь мне... сделать один выстрел, а?»

Бабах!

Очередной вражеский снаряд разорвался совсем близко. Вспышка на мгновение озарила бескрайнее поле, а в небо устремился чёрный столб дыма.

Шангуань Цицзе снова упал на бесчувственного Ситу Куна, навалившись на него всем телом, чуть не обнял, случайно коснувшись губами его шеи, но почувствовал лишь вкус крови.

Кое-как приподнявшись, Цицзе бережно коснулся ладонью лба Ситу Куна. Пот градом катился с лица юноши, смешиваясь с горькими, беззвучными слезами отчаяния.

Но тот лежал неподвижно, не размыкая век.

— Тварь... да очнись же ты! — в бессильной злобе прорычал Цицзе.

Выставив ствол гранатомёта в окно, парень начал палить по небу без разбора. Три снаряда один за другим ушли в темноту, расцветая багровыми бутонами разрывов, похожими на зловеший салют.

Вспышки на мгновение высветили исполинский силуэт вражеского крейсера. Его серебристая обшивка лениво отражала сполохи огня — ни единой царапины.

— Бесполезно! Гранаты его не возьмут! — крикнул Хэ Сию.

Но Цицзе словно оглох. Он продолжал упрямо палить по тяжёлой стальной туше.

Тяжёлые вздохи...

«Что, уже выдохся? Хочешь, я помогу тебе взбодриться? Смотри, он ведь ещё не насытился... Ну же, давай...»

Его обнимали крепко, до хруста рёбер, но эти объятия вызывали лишь ледяную дрожь. Больше не было сил бежать, оставалось лишь покорно ждать конца.

«Мне не нравится твой взгляд. Где же прежний огонь? Куда делась твоя хваленая гордость?..»

Грубый палец очертил контур глазницы. Цицзе замер от ужаса, боясь, что в любую секунду этот палец вонзится глубже и лишит его зрения.

«Никто не придёт тебе на помощь. Ты один на один со мной».

Запястья были намертво прижаты к ледяной стальной стене над головой, руки давно затекли и потеряли всякую чувствительность. И вдруг в его ладонь грубо вложили рукоять пистолета.

Грохот взрывов слился в единый безумный гул. Огненные цветы распускались и в небе, и на земле вокруг мчащейся машины. Задыхаясь от бьющего в лицо ветра, Цицзе проорал:

— Лейтенант, держи руль ровно! Я знаю, как свалить этого ублюдка!

— Ты спятил?! Это боевой крейсер!

— Я знаю, что делаю!

Глубоко вдохнув, Цицзе навёл перекрестье прицела на хвостовой пропеллер крейсера.

— У этой махины винты ничем не защищены! Один точный выстрел — и она пойдёт ко дну!

«Ха-ха-ха! Глупенький, кричи, если больно! Зачем сдерживаться? Твоё тело само умоляет о разрядке... Смотри, как оно жаждет этого...»

Он наваливался сверху, подавляя волю своей невероятной, сокрушительной силой. Сначала он подчинил его плоть, а затем добрался и до разума.

«Человеческие инстинкты плевать хотели на разум. Разум всегда пасует перед природой... Понимаешь? Наш истинный враг заложен в нас миллионы лет назад. Мы все одинаковы. Когда твоя главная уязвимость выставлена напоказ, глупо надеяться на сопротивление...»

Последние, самые унижительные издевательства сопровождались его сумасшедшим, утробным хохотом. А затем... прогремел выстрел. Пуля прошла его грудь насквозь. Он повалился навзничь в нелепой, уродливой позе и больше не шевелился.

Цицзе слышал собственное хриплое дыхание во тьме — доказательство того, что он выжил. Выжил, но какой ценой? Он чувствовал себя осквернённым, грязным. Его собственная поза в тот момент была не менее уродливой.

«В конце концов, малыш... ты стал точно таким же, как я. Ха-ха-ха...»

Внедорожник бешено вилял из стороны в сторону, уклоняясь от разрывов. Снаряды ложились вплотную, но машина упрямо рвалась вперёд сквозь стену дыма и огня, словно разъярённый хищник.

Сквозь окуляры инфракрасного бинокля в багровом мареве отчётливо виднелся паренёк, высунувшийся из окна машины. Его отчаянное, искажённое злостью лицо вызывало лишь одно желание — поиздеваться над ним ещё немного.

Внезапно рубку крейсера ощутимо трянуло, завывла багровая сирена аварийной тревоги.

— Господин генерал! Кормовой винт повреждён! Рули высоты заклинило!

— Хм.

Высокий мужчина в безупречном мундире даже не вздрогнул. Он медленно опустил бинокль и леденяще усмехнулся.

— Оставьте их, — небрежно скомандовал он. — Мы лишь немного развлеклись. Дайте команду сбавить ход, оценить масштаб повреждений кормы и приступить к ремонту. После завершения работ ложимся на прежний курс.

— Есть!

Офицер водрузил на голову фуражку, скрыв буйную копну огненно-рыжих волос, аккуратно поправил козырёк и замер у бронированного иллюминатора. В его манерах сквозила надменная элегантность. Позади него раздался чистый, мелодичный голос:

— Решил отпустить их?

Мужчина обернулся. В кресле вальяжно расположился молодой человек поразительной, почти неземной красоты. Он неторопливо потягивал кофе из фарфоровой чашечки, выглядя безупречно изящным, словно сошедший с холста аристократ.

— Да. Пока что, — негромко отозвался рыжеволосый, вновь поворачиваясь к окну.

Из-под козырька тускло блеснули его серебристо-серые глаза, холодные и пронзительные, как лунный свет.

«Надо же, какая встреча... Я никогда не забуду твоё смазливое личико. И твоё имя — Шангуань Цицзе. На этот раз тебе от меня не уйти».

<http://bllate.org/book/18305/1760700>